

Не знаю ужъ, воспользовался-ли Д-скій „случае-
емъ“ и попалъ, или нѣтъ, „въ милость“. Человѣкъ
„придворной складки“, конечно, воспользовался-бы.

Теперь, вотъ въ эти дни, у всѣхъ почему-то
на устахъ одно слово: „переворотъ“. У людей „того“
лагеря, не нашего — тоже. И спѣшатъ что-то успѣть
„до переворота“. Спекулянты — реализовать ленинки,
причастные къ „властямъ“ — какъ-то „заручиться“
(это ходячій терминъ).

Спѣшитъ и Марья Федоровна А-ва. На дняхъ
А-скій, зайдя по дѣлу къ Горькому, засталъ у М. Ф.
совсѣмъ неожиданный „салонъ“: человѣкъ 15 самой
„бѣлогвардейской“ породы, — П., К. и т. д. Гово-
рятъ о переворотѣ, и комиссарша уже играетъ на
этой сценѣ совсѣмъ другую роль: роль „урожденной
Желябужской“. Вотъ и „заручилась“ на случай пере-
ворота. Какъ не защитить ее гости — своего поля
ягоду, „урожденную Желябужскую?“

Недаромъ, однако, были слухи, что прямолинейный
Петерсъ, нашъ „безпощадный“, въ ражѣ коммунисти-
ческой „чистки“, мѣтилъ арестовать всю компанію: и
комиссаршу, и Горькаго, и Гржебина, и Тихонова...
Да широко махнулъ. Въ Кіевъ услали.

Кіевъ, если не взять, то, кажется, будетъ взять.
Понять, вообще, ничего нельзя. Псковъ большевики
тогда-же взяли, — торжествовали довольно! Однако,
Зиновьевъ опять объявляетъ — мы, молъ, накануне
циническаго выступленія англичанъ...

Вы такъ боитесь, товарищъ Зиновьевъ? Не слиш-
комъ ли большіе глаза у вашего страха? У моей на-
дежды они гораздо меньше.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Зинаида Гиппіусъ.

Исходъ.

I.

Князь умеръ передъ вечеромъ двадцать девятаго
августа. Умеръ, какъ жилъ, — въ полномъ одино-
чествѣ.

Солнце, золотясь передъ закатомъ, не разъ захо-
дило въ легкія смуглыя тучки, островами раскинутыя
надъ дальними полями на западѣ. Вечеръ былъ про-
стой, спокойный. На широкомъ дворѣ усадьбы было
пусто, въ домѣ, какъ будто еще болѣе обветшавшемъ
за лѣто, очень тихо.

Нищіе, бродившіе по деревнѣ, раньше всѣхъ узна-
ли о смерти князя. Они появились возлѣ разрушен-
ныхъ каменныхъ столбовъ при вѣздѣ въ усадьбу и
нестройно, разными голосами, запѣли древній духов-
ный стихъ „на исходъ души изъ тѣла“. Ихъ было
трое: рябой парень въ лазоревой рубахѣ съ укорочен-
ными рукавами, старикъ, очень прямой и высокій, и
загорѣлая дѣвочка, лѣтъ пятнадцати, но уже мать. Она
стояла съ соннымъ ребенкомъ на рукахъ, державшимъ
во рту сосокъ ея маленькой груди, и пѣла звонко и
безстрастно. Мужики были оба слѣпы, съ бѣльмами;
у нея глаза были чистые, темные.

Въ домѣ хлопали двери. Наташа выскочила на
парадное крыльцо и вихремъ понеслась черезъ дворъ
къ людской избѣ; изъ раствореннаго дома слышно
было, какъ стѣнные часы медлительно пробили шесть.
А черезъ минуту по двору уже бѣжалъ и на бѣгу
попадалъ въ рукавъ армяка работникъ — сѣдлатъ ло-

шадь, скакать на деревню за старухами. Гостившая въ усадьбѣ Анята, похожая своей стриженной головой на мальчика, высунулась въ окошечко людской и, захлопавъ въ ладоши, что-то закричала ему вслѣдъ — ту-по, косноязычно и восторженно.

Когда молодой Бестужевъ вошелъ къ умершему, онъ лежалъ навзничъ, на старинной кровати орѣховаго дерева, подъ старымъ одѣяломъ изъ краснаго атласа, съ разстегнутымъ воротомъ ночной рубашки, полузакрывъ неподвижные, какъ бы хмѣльные глаза и откинувъ въ подушку темное, поблѣднѣвшее, давно не бритое лицо съ большими сѣдѣющими усами. Ставни въ этой комнатѣ были по его желанію закрыты почти все лѣто, — теперь ихъ открывали. На комодѣ возлѣ кровати желто горѣла свѣча. Склонивъ къ плечу голову, съ бьющимся сердцемъ, Бестужевъ жадно всматривался въ то странное, уже холодѣвшее, что тонуло въ постели.

Ставни раскрывались одна за другою. Въ окна, сквозь темныя вѣтви стараго хвойнаго палисадника, глянулъ далекій закатъ, оранжево догоравшій въ тучкахъ. Бестужевъ, отойдя отъ умершаго, распахнулъ одно изъ этихъ оконъ. Въ комнату, въ застоявшійся, сложный запахъ лекарствъ, ощутительно потянуло чистымъ воздухомъ. Вошла заплаканная Наташа и стала выносить все то, что князь, съ недѣлю тому назадъ, внезапно охваченный какой-то тревожной жадностью, приказалъ перетаскать къ нему и разложить передъ его глазами на столахъ и креслахъ: истертое казацкое сѣдло, уздечки, мѣдный охотничій рогъ, собачьи смычки, патронташъ. Уже не стѣсняясь стучать, звенѣть удилами и стремя о стремя, она дѣлала дѣло съ твердымъ и строгимъ лицомъ, сильно дунула, проходя мимо комода, на свѣчку. . . Князь былъ неподвиженъ и неподвижны были его полуприкрытые, какъ бы слегка косившіе глаза. Вечернее сухое тепло, смѣшанное съ свѣжестью отъ рѣки, наполняло комнату. Солнце потухло, все поблекло. Хвоя палисадника сухо темнѣла

на прозрачномъ, сверху зеленоватомъ, ниже шафранномъ морѣ далекаго запада. Щebetала за окномъ какая-то птичка, и щебетъ ея казался очень рѣзокъ.

— Чего жалѣть, — серьезно сказала Наташа, опять входя и отодвигая ящикъ комода, вынимая оттуда чистое бѣлье, простыни и наволочку на подушку. — Умерли смирно, всѣмъ такъ дай Богъ. — А жалѣть ихъ некому, никого послѣ себя не оставили, — прибавила она и опять вышла.

Бестужевъ, — присѣвъ на подоконникъ, все глядѣлъ въ темный уголъ, на постель, гдѣ лежалъ умершій. Онъ все старался что-то понять, собрать мысли, ужаснуться. Но ужаса не было. Было только ощущение удивленности, невозможности осмыслить, охватить происшедшее. . . Неужели все разрѣшилось, и теперь можно говорить въ этой спальнѣ такъ свободно, какъ говоритъ Наташа? Впрочемъ, подумалъ Бестужевъ, она говорила о князѣ съ той же свободой, — какъ о человѣкѣ, уже вышедшемъ изъ круга живыхъ, — и раньше, весь послѣдній мѣсяцъ.

Со двора, изъ сумрака слабо и необыкновенно пріятно пахло дымомъ. Это успокаивало, гсворило о землѣ, о продолжающейся, простой человѣческой жизни. Въ стемнѣвшихъ лугахъ, на рѣкѣ, ровно шумѣла водяная мельница. . . Недѣлю тому назадъ князь сидѣлъ возлѣ ея воротъ, на старомъ жерновѣ, — въ шапкѣ, въ лисьей поддевкѣ, худой и темноликій, согнувшись и упершись руками въ сѣрый ноздреватый камень. Старикъ, которій привезъ смолотъ нѣсколько мѣръ новины, шурясь, исподлобья посматрѣлъ на него, развертывая веретье. — „А ужъ и худъ ты! — холодно и пренебрежительно сказалъ онъ князю, хотя прежде всегда говорилъ съ нимъ почтительно. — Прямо никуда! Нѣтъ теперь тебѣ житья немного. . . Тебѣ лѣтъ семьдесятъ будетъ?“ — „Пятьдесятъ первый, — сказалъ князь. — Да что ты, не знаешь меня развѣ?“ — „Пятьдесятъ первый! — насмѣшливо сказалъ старикъ, взявъ съ веретьемъ. — Не

можетъ того быть, — твердо сказалъ онъ, — ты на много старше меня*. — „Вотъ дуракъ, — усмѣхнувшись, сказалъ князь, — да вѣдь мы росли вмѣстѣ“. — „Ну, росли, не росли, а житья тебѣ теперь немного“, — сказалъ старикъ, натуживаясь, и, приподнявъ и прижимая къ груди тяжелую, полную рожью мѣру, поспѣшно, присѣдая, пошелъ въ шумящую, бѣлую отъ муки мельницу. . .

— Теперь уходите, барчукъ, — безстрастно, но значительно сказала Наташа, входя съ ведромъ горячей воды.

И отъ этого ведра, отъ этихъ словъ Бестужеву вдругъ стало страшно. Онъ поднялся съ подоконника и, не глядя на Наташу, вышелъ черезъ прихожую, прилежавшую къ комнатѣ покойнаго, на черное крыльцо. Въ сумракѣ возлѣ крыльца мыли руки прѣхавшія съ деревни старухи, Евгенія и Агафья; одна лила изъ кувшина, другая, согнувшись, захвативъ въ колѣни подолъ темнаго платья, крѣпко отжимала, встряхивала пальцы. Это было еще страшнѣе. Бестужевъ быстрыми шагами прошелъ мимо нихъ въ сухой, уже порѣдѣвшій къ осени садъ, таинственно освѣщенный по низамъ только что показавшимся среди дальнихъ стволовъ круглымъ, огромнымъ, зеркальнымъ мѣсяцемъ.

II.

Въ девятомъ часу въ комнатѣ, гдѣ умеръ князь, все пришло въ порядокъ, было прибрано, тепло пахло вымытыми полами. На столахъ, поставленныхъ наискось въ передней уголъ, подъ старинные образа, возлѣ окна, верхнее стекло котораго серебрилось отъ мѣсячнаго свѣта, возвышалось подъ простыней тѣло, казавшееся очень большимъ. Три толстыхъ свѣчи въ церковныхъ высокихъ подсвѣчникахъ горѣли въ головахъ его прозрачно, дрожали хрустальнымъ чадомъ. Тишка, сынъ церковнаго сторожа Семена, умытый, причесанный, въ новой поддевкѣ, жа-

лостно и поспѣшно читалъ псалтырь. — „Хвалите Господа съ небесъ, — читалъ онъ, подражая черничкамъ: — хвалите Его всѣ Ангелы Его, хвалите Его всѣ воинства Его“. . . Темно и чадно дрожали на свѣчахъ прозрачныя копыя пламени, золотыя, съ яркосинимъ основаніемъ.

Въ домѣ огонь былъ только въ лакейской. Тамъ, подъ окномъ, стоялъ столъ, на столѣ кипѣлъ самоваръ. Блѣдная и серьезная, въ черномъ платочкѣ, Наташа, Евгенія, похожая на смерть, и печально-скромная Агафья, плотникъ Григорій, уже начавшій въ сараѣ дѣлать гробъ, и церковный сторожъ Семень, старикъ съ тусклыми свинцовыми глазами, испорченными постояннымъ чтеніемъ при дрожащемъ свѣтѣ по покойникамъ, пили чай. Семень, который долженъ былъ смѣнить сына, принесъ съ собой собственную книгу, въ грубой, какъ бы деревянной кожѣ бурога цвѣта, закапанную воскомъ, съ обожженными кое-гдѣ углами страницъ.

— А какъ ни плохо живешь, все будетъ трудно съ бѣлымъ свѣтомъ разставаться, — печально говорила Агафья, наливая изъ чашки въ блюдечко.

— Извѣстно, трудно, — сказалъ Григорій. — Кабы зналъ, и жилъ бы не такъ, все бы имущество истребилъ. А то боимся имѣнье свое распустить, все думаешь, подъ старость дѣться будетъ некуда. . . а глядишь, и до старости не дожилъ!

— Наша жизнь какъ волна бѣжитъ, — сказалъ Семень. — Смерть, ее, сказано, надо встрѣчать съ радостью и трепетомъ.

— Исходъ, а не смерть, родной — сухо и наставительно поправила Евгенія.

— Съ трепетомъ, не съ трепетомъ, а умирать никому не хочется, — сказалъ Григорій. — Всякая козьяка, и та смерти боится. Тоже, значить, и у нихъ души есть.

— Не души, батюшка, а дуси, — еще наставительнѣе сказала Евгенія.

Кончивъ послѣднюю чашку, Семень мотнулъ головой, откидывая со лба вспотѣвшіе темносѣрые волосы, всталъ, перекрестился, захватилъ псалтирь и на ципочкахъ пошелъ черезъ темный залъ, черезъ темную гостиную къ покойнику.

— Ступай, ступай, дорогой, — сказала ему вслѣдъ Евгенія. — Да поприлежнѣй читай. Когда кто хорошо читаетъ, грѣхи съ грѣшника, какъ листья съ сухого дерева валяются.

Смѣняя Тишку, Семень надѣлъ очки и, строго глядя черезъ нихъ, мягко обобралъ пальцами воскъ съ оплывшихъ свѣчей, потомъ медленно перекрестился, развернулъ на аналоѣ свою книгу и сталъ читать негромко, съ ласковой и грустной убѣдительностью, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ предостерегающе повышая голосъ.

Дверь въ прихожую возлѣ черного крыльца была открыта. Читая, Семень слышалъ, какъ на крыльцѣ кто-то затопалъ ногами: пришли поглядѣть на покойника двѣ дѣвки, обѣ наряженныя, въ новыхъ крѣпкихъ башмакахъ. Онѣ вступили въ комнату робко и радостно, цюпотомъ переговариваясь. Крестьясь и стараясь ступать нетвердо, одна изъ нихъ, вздрагивая грудями подъ новой розовой кофточкой, подошла къ столу, отвернула простыню съ лица князя. Блескъ свѣчей упалъ на кофточку, испуганное лицо дѣвки стало въ этомъ блескѣ блѣдно и красиво, а мертвое лицо князя засіяло, какъ костяное. Большіе сѣдѣющіе усы, разросшіеся за болѣзнь, уже сквозили, въ глазахъ, не совсѣмъ закрытыхъ, темнѣла какая-то жидкость. . .

Тишка жадно курилъ въ сѣняхъ, поджидая выхода дѣвокъ. Онѣ проскользнули мимо него, дѣлая видъ, что не замѣчаютъ его. Одна сбѣжала съ крыльца, другую, въ розовой кофточкѣ, онъ успѣлъ поймать. Она рванулась, зашептала:

— Ай, ты угорѣлъ? Пусти! А то отцу скажу. . .

Тишка выпустилъ ее. Она побѣжала къ саду. Мѣсяць, уже небольшой, бѣлый, ясный, высоко стоялъ надъ темнымъ садомъ, и золотисто блестяло въ его свѣтѣ сухое желѣзо на крышѣ бани. Въ тѣни отъ сада дѣвка обернулась и, взглянувъ на небо, сказала:

— Ночь-то какая, — батюшки!

И очаровательно, съ радостной нѣжностью, прозвучалъ въ ночномъ тихомъ воздухѣ ея счастливый голосъ.

III.

Бестужевъ ходилъ изъ конца въ конецъ по двору. Со двора, пустого, широкаго, освѣщеннаго мѣсяцемъ, онъ глядѣлъ на огоньки въ деревнѣ за рѣкою, на свѣтлыя окна людской, гдѣ слышались голоса ужинающихъ. Въ сараѣ были раскрыты ворота, горѣлъ разбитый фонарь, поставленный на козлы тарантаса. Григорій, наклонившись и отставивъ одну ногу, шмыгаль фуганкомъ по тесинѣ, заправленной въ старый верстакъ князя. Отъ его движеній огонь въ фонарѣ дрожалъ, дрожали тѣни въ сумрачномъ сараѣ. . . Когда Бестужевъ на минуту приостановился у воротъ сарая, Григорій поднялъ возбужденное лицо и весело, съ отѣнкомъ ласковой гордости, сказалъ, кивая на стоявшій возлѣ его ногъ длинный бѣлый ящикъ:

— Крышку ужъ додѣлываю. . .

Потомъ Бестужевъ постоялъ, облокотясь на открытое окно людской. Кухарка собирала со стола, надъ которымъ висѣла лампочка, остатки ужина, стирала съ него ветошкой. Пастухи, подростки, укладывались спать: Митька, разутый, молился, стоя на нарахъ, устланыхъ свѣжей соломой, Ванька—среди избы. Рыжий лохматый печникъ, широкоплечій и очень маленькой ростомъ, въ черной рубахѣ съ крапинками известки на ней, пришедшій съ деревни изъ-за рѣки, чтобы начать завтра поправлять стѣны внутри обваливагося княжескаго склепа, вертѣлъ, сидя на лавкѣ, сигарку.

Анюта тупо, восторженно и косноязычно говорила съ печки:

— Вотъ и померъ ваше сіятельство, въ головà ничего не положилъ. . . Такъ и не далъ мнѣ ничего... Нѣту да нѣту, погоди да погоди. . . Вотъ теперъ и годи... Вотъ и годи... Годи теперъ! Погодилъ, милый? Въ головà себѣ много положилъ? Понялъ теперъ, что у тебя въ головахъ, глупый? А что бы такъ-то дать рублика два, прикрыть мое тѣло! Я убогая, урода. Никого у меня нѣту. Ишь грудь то!

И она распахнула кофту и показала голую грудь:

— Голая вся. Такъ-то, глупый! А я тебя въ старые годы любила, я объ тебѣ скучала, ты красивый былъ, веселый, ласковый, чистая барышня! Ты всю свою молодость объ своей Людмилочкѣ убивался, а она тебя, глупый, только терзала-мучила да съ другимъ подъ вѣнецъ стала. Ты изъ-за ней весь свой вѣкъ сгубилъ, пьяницей сталъ, а я одна тебя вѣрно любила, про то только моя думка знала! Я убогая, урода, а душа-то у меня, можетъ, ангельск:я-архангельская, я одна тебя любила, одна сижу, радуюсь о твоей кончинѣ смертной . . .

И она радостно и дико засмѣялась и заплакала.

— Пойдемъ, Анюта, псалтырь читать, — громко сказалъ печникъ тѣмъ тономъ, какимъ говорятъ съ дѣтьми кому-нибудь на потѣху. — Пойдешь, не боишься?

— Дуракъ! Кабы ноги были цѣлы и пошла бы, ай плохо? — крикнула Анюта сквозь слезы. — Ихъ грѣхъ, покойниковъ-то, бояться. Они святые, пречистые.

— Я и не боюсь, — развязно сказалъ печникъ, закуривая сигарку, загорѣвшуюся зеленымъ огнемъ. — Я съ тобой хоть на цѣльную ночь въ фамильный склепъ ляжу.

Анюта, не слушая его, восторженно рыдала, утираясь ксфгой.

Не нарушая свѣтлаго и прекраснаго царства ночи, а только дѣлая его еще болѣе прекраснымъ, пали на дворъ легкія тѣни отъ шедшихъ на мѣсяцъ бѣлыхъ тучекъ, и мѣсяцъ, сіяя, катился на нихъ въ глубинѣ чистаго неба, надъ блестящей крышей темнаго стараго дома, гдѣ свѣтилось только одно крайнее окно — у изголовья почившаго князя.

Ив. Бунинъ.